

УДК 94(438).02,071,081,083

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-462-478

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС – ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?**A POLISH QUESTION, YESTERDAY, TODAY... TOMORROW?****С.В. Морозов****S.V. Morozov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015 Russia

E-mail: morozov_s@bsu.edu.ru

Аннотация

Рассматривается так называемый польский вопрос с использованием проблемно-хронологического подхода. В результате принятия католичества и добровольного вхождения в состав западной цивилизации у польского народа исторические начала стали преобладать над славянской самобытностью. Когда Польша утратила собственную государственность в последней четверти XVIII в., данное преобладание стало проявляться в еще большей степени, что нашло свое отражение в восстаниях 1830 и 1863 гг. В частности, это выразилось в требованиях повстанцев восстановления границ Польши в пределах 1772 г., а также в религиозно-мистическом мессианизме А. Мицкевича. В межвоенный период данное преобладание проявлялось в планах Ю. Пилсудского воссоздать «Великую Польшу» за счет раздела Советского Союза путем польско-германо-японской интервенции. После распада социалистического блока польские политические элиты пытаются вновь возродить былое величие Польши за счет тесного сотрудничества с США, однако оно проходит не совсем гладко. Поскольку польский вопрос принципиально важен для российской истории и политики, по нашему мнению, ныне было бы целесообразно создание специальной научной структуры в рамках одного из ведущих российских вузов для изучения и прогнозирования дальнейшего развития польского вопроса.

Abstract

The so-called Polish question is examined with the using of the problem-chronological approach. As a result of the adoption of Catholicism and the voluntary entry into the Western civilization of the Polish people, historical origins began to predominate over the Slavic identity of Poles. When Poland was deprived of its own statehood at a last quarter of 18th century, this predominance began to manifest itself even more: it was manifested in the uprisings of 1830 and 1863. In particular, this was reflected in the demands of the rebels to restore the borders of Poland within the limits of 1772, as well as in the religious-mystical messianism of A. Mickiewicz. In the interwar period, this predominance was manifested in J. Pilsudski's plans to recreate «Great Poland» by partitioning the Soviet Union through Polish-German-Japanese intervention. After the collapse of the socialist bloc, Polish political elites are trying again to revive Poland's former greatness through close cooperation with the United States, but it is not going smoothly. It is necessary to create a scientific structure for studying and forecasting the Polish question within the framework of the Russian university.

Ключевые слова: польский вопрос, мессианизм Мицкевича и Пилсудского, «холодок» между Польшей и США.

Keywords: the Polish question, the messianism of Mickiewicz and Pilsudski, the chill between Poland and the United States.

Польский вопрос многогранен, имеет значительную историю и, хотя нынешние времена краха так и не состоявшейся модели глобализма и перехода к новой многополярной модели характеризуются изменчивостью, он продолжает во многом сохранять свою актуальность прежде всего для одного из самых значимых игроков мировой политики – России. Причем он не только актуален, но весьма важен среди прочего с точки зрения поиска адекватной оценки внешнеполитических целей и политических амбиций нынешней польской правящей элиты. Следует также учитывать роль и место Польши в современной Европе, в частности, в ЕС и как ключевого игрока, на которого намерена делать ставку администрация США в своих антироссийских пасьянсах. Данная статья имеет цель проследить эволюцию различных граней польского вопроса из обозримого прошлого по настоящее время, отметить его особенности в нынешний период, по возможности наметить путь для воздействия на него с целью формирования адекватного взаимного восприятия России и Польши.

Согласно мнению видного российского ученого, общественного и государственно-го деятеля середины – второй половины XIX в. Александра Федоровича Гильфердинга, истоки борьбы между Россией и Польшей теряются в глубине веков. «Едва эти народы вступали в круг деятельности исторической, перед ними становился вопрос: войдут ли они органически, всею своею духовною, общественною и политическою жизнью в состав старшего, более образованного римско-германского мира или устоят на началах самостоятельного развития? Вопрос этот предлагался славянскому племени самою силою истории, иначе быть не могло: ибо, с одной стороны, славянское племя было так молодо, так неразвито сравнительно с крепко организованным миром романского и немецкого Запада, что этот мир мог казаться славянам высшим идеалом человеческого общества, и сам должен был стремиться захватить в свой круг слабые организмы славянских народов. Но, с другой стороны, славянское племя было так велико, так свежо, что в нем естественно должна была жить потребность не только внешней, но и внутренней самобытности, инстинкт самостоятельного исторического призвания» [Гильфердинг, 2009, с. 172]. Это наблюдение, на наш взгляд, представляется необычайно важным и послужит своеобразным фундаментом для дальнейшего хода исследования.

В ходе тяжелой борьбы с Германской империей западнославянские племена, в том числе сформировавшие впоследствии польский народ, утратили значительную часть своих земель – Балтийское Поморье, восточная сторона р. Одер, Силезия и т. д. были шаг за шагом отняты и онемечены. В то время как западные земли польских племен делались добычей германского натиска, на восточных формировалось независимое государство, которое, пытаясь уберечь в какой-то мере свою славянскую народность, в то же время проникалось совокупностью начал западной жизни [Szajnocha, 1859, s. 4–19].

Часть западнославянских племен постепенно формировалась в польский народ в процессе вхождения всем своим организмом в состав западноевропейского мира. Нравственные устои Польши складывались под влиянием религиозных начал католицизма и общественных идеалов рыцарства; городская жизнь целиком была перенесена из Германии, а в основу просвещения были положены предания римского классицизма – словом, все было принято и органически усвоено ею с Запада. «Польша, оставаясь славянской, сделалась вполне членом латино-германской семьи народов, единственной славянской страной, вступившей в эту семью всецело и свободно, не в силу материального завоевания, а добровольным принятием западноевропейских стихий в основу своей собственной, славянской жизни. Этот органический процесс внутреннего совоплощения Польши с латино-германским или западноевропейским миром составляет сущность первой эпохи польской истории; в XIV в. Польша принадлежала уже, всеми стихиями своими, к семье западноевропейских народов» [Гильфердинг, 2009, с. 173].

В отличие от Польши, путь развития русской земли был более «медленным и тяжелым». В начальные времена исторического существования обоих государственных организмов, пока на землях древнепольского государства еще имела место внутренняя органическая борьба проникавших в него западных идей с собственными славянскими преда-

ниями, оно само заслоняло русскую землю от непосредственного влияния латино-германской Европы и способствовало тому, что на землях Киевской Руси могли окрепнуть зародыши самобытной славянской жизни. «То великая, хотя бессознательная, историческая для нас заслуга древней Польши, заслуга, которой мы не должны забывать «Религия, принятая русскою землею, связала ее с миром древнего просвещения, но с таким миром, который стоял вне западноевропейской семьи народов; и в то же время эта религия, по самому своему характеру невмешательства в мирское устройство, не предопределяла развития славянской жизни чужими началами и формами; под ее покровом мог устоять и окрепнуть народ на своих славянских основах; под ее покровом эта часть славянского племени могла сложиться в народный и государственный организм, вполне самобытный во всех стихиях своей общественной и духовной жизни» [Гильфердинг, 2009, с. 174].

Таким образом, согласно мнению А.Ф. Гильфердинга, православие сыграло для периода становления древнерусской государственности ту особую роль, которая позволила впоследствии России сохранить собственную славянскую самобытность, в то время как Польша была обречена быть втиснутой в прокрустово ложе латино-германской цивилизации, в значительной степени упорядочившей организационную и бытовую стороны жизни, но исказившей славянскую душу польского народа.

Следует также обратить внимание еще на один фактор, оставшийся вне поля зрения Александра Федоровича. Имеется в виду монголо-татарское иго, в значительной степени повлиявшее на формирование особого психологического облика русского народа. Не только в худшую сторону, придав черты скрытности и т. п. Ведь, в отличие от западноевропейской традиции, где большая часть информации передается посредством вербального аппарата, азиат постигает собеседника не столько путем речевого общения, сколько душой и сердцем. И монгольский завоеватель, перенеся русским князьям среди прочего формы и методы государственного управления, заимствованные в покоренном Китае, относительно русского народа в течение 240 лет выступал в роли так называемого «черного учителя», наделив его, правда, помимо желания последнего, тонким азиатским чутьем и психологизмом. Важнейшую роль опять же сыграло православие, являвшееся, скорее всего, чуть ли не единственной возможностью с верой и достоинством пройти это весьма и весьма нелегкое испытание, сохранив в неприкосновенности от германского латинизма славянскую душу. Чего напрочь были лишены поляки, негативно воспринимавшие внешнюю сторону психологического облика русского человека, видя лишь византийское лукавство и азиатское коварство «москалей».

Однако данный фактор, в значительной мере повлияв на «христианизацию» души и рост психологизма русского народа, в то же время отяжелил и замедлил ход исторического развития восточно-славянских княжеств, а Польша уже в XIV в. представляла общество вполне развитое, созревшее под влиянием Запада, проникнутое всеми началами его жизни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, воспринимая внешнюю сторону отсталости русских княжеств в качестве проявления «москальского» азиатства, деятельность Польши должна была обратиться на восток, на русскую землю. Чем представлялась полякам Русь в XIV–XV вв.? Страной глубокого невежества с едва начинающимися зачатками государственной организации, в одной половине своей подчиненную диким литовским язычникам, в другой – раболепствующую перед ханом татарской орды.

Следует также учитывать еще одно немаловажное обстоятельство касательно мотивов обращения взоров польских правителей на восток – это их религиозная солидарность с римско-германскими императорами, рассматривавшими славянские племена в качестве целей для дальнейшего завоевания и распространения латинства. Несмотря на тот факт, что восточнославянские племена были родственными по крови, политические интересы Польши требовали «поддерживать императоров в этих войнах против братских Польше племен» [Szajnocha, 1859, s. 33].

Первая попытка этой самой поддержки, которая была сделана еще в домонгольский период, носила среди прочего явно выраженный прозелитский характер и помещена в

матримониальную обертку. Речь идет об отправке в Киевскую Русь дочери короля Болеслава Храброго как невесты для сына великого князя Владимира Святополка¹ в сопровождении ее духовника – бывшего колобжегского епископа Рейнберна. Согласно сведениям немецкого хрониста Титмара Мерзебургского, старания зятя Болеслава, его супруги и вышеупомянутой духовной особы свергнуть Туровский край в католичество обрели такой размах, что трое новоявленных катехизаторов оказались благодаря великому князю Владимиру в темнице, где душа Рейнберна покинула телесное пристанище и отлетела к Господу ориентировочно в 1013 г.²

Комментируя этот эпизод, польский историк XIX в. Шайноха упоминает о рожденной Польше и Руси духовной противоположности и цивилизирующем влиянии не востока на запад, а запада на восток и заявляет: «С этого началась первая в этой стороне борьба между восточным и западным фактором» [Szajnocha, 1859, s. 166–167]. Упрекнув Восточную церковь в слиянии со светской властью, именитый львовянин далее развивает мысль о преобладании Западной церкви, которая, развернув борьбу против светской власти германских императоров, вызвала ее последствиями европейское просвещение, у которого «весь восточно-христианский мир не смеет еще оспаривать превосходства» [Гильфердинг, 2009, с. 177].

Полемизуя с Шайнохой, Гильфердинг задает провидческий вопрос: «А что, если он когда-нибудь станет его оспаривать? Что, если славянское племя должно и действительно имеет силу стремиться не к подчинению стихиям латино-германской Европы, а, напротив, к внутренней самобытности? Что, если темная масса русского народа оказалась убежищем и хранильницей возможной, духовной и общественной, самобытности славянского племени? Как представилось бы в таком случае историческое дело Польши?» После этого Александр Федорович дает не менее пророческий ответ: «В таком случае мы (не обвиняя, разумеется, в частности, ни прежних поколений польских, ни поляков, современников наших, ибо это невольный плод исторической судьбы) сказали бы, что Польша совершила историческую измену славянскому делу, что в прошедшем казавшееся столь близким торжество польского владычества в русской земле убило бы всю будущность славянского племени...» [Гильфердинг, 2009, с. 177–178].

Представляется целесообразным по возможности кратко оценить движение Польши в отношении восточнославянских земель в период XIV–XVIII вв. Закончив ориентировочно в XIV в. первую фазу своего внутреннего органического слияния с латино-германской Европой, она обращает свой взор на Восток, и на том этапе ее первые шаги сопровождаются невероятными успехами. Обаяние Запада было столь притягательным, что при короле Казимире Великом вся Галицкая земля присоединилась к Польше, и польские магнаты в предвкушении великой будущности почти насильственно навязали наследнице польского престола Ядвиге брак с великим князем литовским Ягелло, властелином всей западной половины русских земель [Szajnocha, 1861]. Польское влияние неожиданно распространилось до Киева, Брянска, Смоленска и Новгород-Северского. Этот союз, еще сомнительный при Ягелле, скреплялся все теснее и теснее с каждым поколением, и при его внуке Казимире IV Великому Новгороду пришлось горько пожалеть³ за попытку присоединиться к этим мирным завоеваниям, которые доставляло Польше превосходство ее образованности, ее аристократической организации над невежеством и бессознательностью русской земли.

¹ Впоследствии прозванного Окаянным.

² [Szajnocha, 1859, s. 84; Титмар из Мерзебурга. Хроника. Кн. VII. 72(52)]. Эта польская интрига имела продолжение. Когда отряды Болеслава в 1013 г. опустошили западные области, Владимир освободил узников, а после смерти последнего в 1015 г. Святополк обосновался в Киеве. После того, как войско Ярослава нанесло поражение отрядам Святополка на Днепре в 1016 г., последний сбежал к тестю, который в свою очередь в 1018 г. нанес на Буге поражение Ярославу и захватил Киев, водворив туда своего зятя. Но спустя год Ярослав вновь нанес поражение Святополку, который «пробѣже пустыню межи Чяхи и Ляхы, и ту испровѣрже животь свой злѣ» [Повесть временных лет, с. 37–38].

³ После московско-новгородских войн 1471–1478 гг. Новгородская республика была упразднена, а вечевой колокол увезен в Москву.

Но внутренние, живые, хотя бессознательные славянские начала не желали соответствовать началам польской жизни. Восточные славяне, особенно в делах веры, стали поднимать голову против польской стихии, и в XVI в. Польше приходится уже полунасилом упрочивать свое господство над ними: она почти заставляет литовско-русские области окончательно соединиться с нею в одно государство в рамках Люблинской унии 1569 г. И также полунасилом она навязывает Брестскую унию 1595 г., то есть церковный союз с Римом, и насильственно его вводит. Наконец, в начале XVII в. польское знамя водружено в Кремле, и все Московское царство должно подчиниться пропаганде польской цивилизации – полное торжество Польши над русско-славянским миром казалось достигнутым.

Однако в русской земле уже настолько развилось сознание ее внутренней самобытности, что народ восточной Руси не признал превосходства польской цивилизации и захотел остаться при своих началах жизни. Таким образом, совершился великий исторический перелом, решивший судьбу славянского мира.

Выдворение поляков из пределов Третьего Рима было первым действием в этой новой исторической драме: русская земля определила для себя предел распространению польских начал. Польско-казацкие войны середины XVII в. в Малороссии были вторым действием: русская земля заявляла потребность освободиться от них и там, где они уже почти обосновались. Третьим действием стала реформа Петра Великого, которая имела в русско-польском вопросе то огромное значение, что она отняла у польской пропаганды на Руси разумную цель, что она упразднила, если можно так выразиться, историческую задачу Польши в отношении русской земли. В самом деле, два первых великих действия – освобождение Москвы и польско-казацкие войны в Малороссии – доказали только, что русская земля предпочитает свою религиозную и общественную самостоятельность латино-германским стихиям католической и шляхетской Польши; но на ее стороне оставалось еще одно значительное преимущество, один мощный инструмент преобладания – образованность и наука, принятые ею из Западной Европы вместе с ее религиозными и общественными началами.

Пока Россия была невежественна, а Польша образована, вопрос еще был сомнителен, какой стороне принадлежит будущность в славянском мире: образованному ли славянскому организму, но отказавшемуся от внутренней самобытности, или организму с задатками самобытного развития, но коснеющему в невежестве?

Русская земля при Петре I окрепла уже до такой степени, что для нее сделалось возможным принять западную науку и образованность, не отказываясь не только от своей внешней независимости, но и от внутренней самобытности своей жизни. Русская земля воспользовалась плодами западной цивилизации и с этим не вошла, подобно Польше, в состав латино-германского мира, не потеряла начал своего самобытного славянского развития. Дело Польши в русском мире, как сказано, устранялось реформой Петра, и об этом ясно засвидетельствовала сама история. Петр был первый из русских царей, который ни разу не воевал с Польшей, и первый, который хозяйничал в ней, как у себя дома: так бесстрашна стала Польша перед Россией, как скоро Россия овладела сама последним орудием ее прежнего обаяния – западной образованностью.

Весь XVIII в. был периодом разложения государственного здания старой Польши. Обширные русские области, которые она в XIV–XV вв. притянула к себе своим тогдашним нравственным и общественным преимуществом над Русью, все эти области (за исключением лишь Галиции) возвратились в состав Российского государства почти без насилия¹. Польская земля, то есть земля, населенная поляками, старая земля Казимира Великого, очутилась каким-то жалким обрубок среди сложившихся вокруг ее государств, похожая на человека, которого весь жизненный подвиг оказался несостоятельным и кото-

¹ Если и было сопротивление, то лишь в разных местах со стороны польской шляхты, а не со стороны туземного населения.

рый, потерявши все, остается бесприютным и сырым среди новых лиц, новых потребностей [Гильфердинг, 2009, с. 178–181].

Таким образом, в период XI–XVIII вв. предмет нашего исследования стоило бы назвать, пожалуй, польско-русским вопросом, для которого было характерно жесткое цивилизационное противостояние носительницы латино-германской стихии Польши, оперировавшей католичеством, идеалами рыцарства, городским немецким правом и образованностью и Русью, народ которой душой и сердцем предпочел древнеславянские общинные ценности и православие. В течение процесса данного противостояния начала создаваться славяно-православная цивилизация, а польско-русский вопрос к концу XVIII в. сублимировался в польский вопрос.

Его возникновение принято связывать с периодом потери польской правящей элитой собственной государственности в конце XVIII в., когда после трех разделов Польша перестала существовать в качестве субъекта международных отношений, став частями соответственно России, Пруссии и Австрии, и, как одно из следствий, представлять непрестанную головную боль российской внешней политике. Эта самая головная боль из внешнеполитической сферы переместилась в российскую внутривнутриполитическую проблему и сублимировалась в пресловутый польский вопрос. С польской аристократии и шляхты никто не потребовал вассальной присяги на верность православному сюзеру, и помещики-католики продолжали эксплуатировать в имениях крестьян малороссов и белорусов, являвшихся преимущественно православными, раскачивая и раздувая польский вопрос¹.

Сказать, что российское самодержавие стремилось подавить ростки польского политического самовыражения, было бы неверно. В частности, император Александр I склонен был всячески содействовать различному проявлению польского политического самовыражения. Известно, что его русские подданные даже сетовали на него за предпочтение, которое он оказывал полякам. Он сочувствовал аристократическому духу поляков, восхищался их рыцарским характером и склонен был не находить данных черт в русском народе. Заняв после поражения французов в 1812 г. правом завоевателя Варшавское герцогство, то есть Польшу в собственном смысле, землю польского народа, русский государь решил восстановить польское королевство с полной гражданской и даже военной автономией, и он исполнил это вопреки сильнейшему противодействию главных европейских держав. Не только континентальные державы всеми силами старались на Венском конгрессе отклонить российского императора от этого намерения, даже Англия убеждала его «обратить Польшу в простые русские губернии». Кто сколько-нибудь знаком с историей европейской дипломатии 1814–1815 гг., тому известны все эти кажущиеся для нас теперь столь странными факты. Известно также, что Александр Павлович, выведенный из терпения препятствиями, какие воздвигались Европой против его мысли о восстановлении Польши, был готов объявить за это войну своим союзникам, что манифест и воззвание к польскому народу были уже написаны, и что только полученное в то время известие о высадке Наполеона устранило эту войну. Известно, что в речи при открытии в Варшаве сейма поляки были выставлены перед Россией как образец, к которому ей следовало стремиться [История дипломатии, 1941, с. 379–380; Гильфердинг, 2009, с. 182–183].

В политической сфере польский вопрос непрестанно давал о себе знать и нередко находил пути для проявления – среди прочего это и восстание Т. Костюшко, и участие польских военных формирований в наполеоновской кампании 1812–1813 гг., а также польско-русская война 1830–1831 гг. и восстание 1863 г.² Примечательны были политиче-

¹ В польской исторической традиции западное влияние оказало значительное воздействие и стало частью исторического бытия страны. В частности, шляхта не существовала в Польше искони, а образовалась под воздействием немецких учреждений позднего средневековья, и даже сам термин «шляхта», взят из немецкого языка. А гонор и воинственность польской шляхты были, скорее всего, заимствованы у немецкого рыцарства; соответственно, к понятию о благородном сословии присоединилось старинное славянское вечевое устройство, и «из нее вышло нечто бестолковое и вредное для славянства».

² В польской историографии, соответственно, «ноябрьское» и «январское» восстания.

ские требования повстанцев. Когда в 1831 г. русские войска находились под Варшавой и готовились взять штурмом их последнее убежище, Вольское укрепление, фельдмаршал Иван Федорович Паскевич пригласил командовавшего поляками генерала Яна Круковецкого на переговоры. Дальнейшая защита представлялась невозможной, и фельдмаршал считал нужным спросить Круковецкого об условиях, на которых тот согласился бы прекратить бесполезное кровопролитие. Однако польский генерал объявил, что единственное условие капитуляции, это восстановление польского государства в границах 1772 г. с Белоруссией, Литвой и Украиной!

Внутреннее противоречие польских исторических начал со славянской основой польского народа продолжало углубляться и облеклось ко второй половине XIX в. в действительные факты. Польские исторические начала настолько стали превалировать над славянской основой польского народа ко 2-й пол. XIX в., что многие его представители выступали не только против России, но и в роли гонителей других славянских народов.

Не последнюю роль в этом процессе сыграла польская эмиграция, которую составили многие бывшие участники «ноябрьского» восстания 1830 г., обосновавшиеся в основном в Париже. Она была весьма и весьма многочисленна, состояла из десятков тысяч людей, как правило, более или менее образованных, и включала политических знаменитостей, как князь Адам Чарторыйский, поэтов, как гениальный Адам Мицкевич, ученых, как Иоахим Лелевель, и многих других. Неудивительно, что она имела громадное влияние на страну, но какой это влияние носило характер? На наш взгляд, для ответа на данный вопрос необходимо учитывать среди прочего следующие два обстоятельства – недюжинный морально-интеллектуальный потенциал эмиграции и ее оторванность от народа и родной почвы, то есть от жизненной действительности. Это постепенно стало придавать произведениям многих ее авторов поистине фантастический колорит, поскольку это были плоды общества, поставленного вне всякой жизненной действительности.

Например, когда в период 1830–1848 гг. стала все более и более развиваться идея славянской народности и славянского братства, литература польской эмиграции тут же исключила русских из семьи славянских народов: «москали» были признаны монголами, татарами, финнами, смесью каких угодно племен, но только не славянами. Но что поделаешь, если эти «москали» заняли в славянском мире весьма заметное место, которого отрицать было невозможно. В результате в среде польской эмиграции создалась особая историко-мистическая теория – славянский мир был разделен на две враждующие противоположности: на мир добра и свободы, представительницей которого служила Польша, и на мир рабства и зла, воплощенный в России¹.

Мистическая же составляющая уходит корнями к 1830 г. Когда после поражения «ноябрьского» восстания полякам пришлось расстаться со значительной долей самостоятельности², то в среде все той же польской эмиграции сложился антирусский панславизм, представленный трудами Ф. Духиньского, франкоязычными польскими журналами и особенно – в труде великого поэта А. Мицкевича «Книга польского народа и польского паломничества» [Duchński, 1861; Mickiewicz, 1832]. Последняя своей структурой и содержанием представляет ни больше ни меньше как своеобразное Евангелие от Мицкевича, взгляды которого постепенно под влиянием «шарлатана и мистика дурного толка» Анджее Тoviaньского сублимировались в разновидность некоей новой религии³.

¹ В качестве примера среди прочего можно привести курс А. Мицкевича о славянской литературе, который он читал в Collège de France в Париже на протяжении 1840–1844 гг. [Mickiewicz, 1849], а также книгу Л. Мерославского «О польской национальности в европейском равновесии» [Mieroslawski, 1856].

² До 1831 г. Царство Польское (то есть польские земли, присоединенные к России в 1815 г. после победы над Наполеоном) было фактически самостоятельным государством. Оно имело свой сейм (парламент), правительство, армию, денежную единицу и прочие признаки суверенитета. Единственное, что его связывало с Российской империей, была династическая уния – самодержавный Император Всероссийский одновременно был конституционным царем польским, которого в Варшаве представлял наместник.

³ [Ларионова, 2010, с. 201]. Идеи мессианизма, которые Мицкевич воспринял у Товяньского, последний, вероятнее всего, позаимствовал у крупного польского математика и философа Юзефа Гёне-Вроньского, кото-

Сущность данной религии состояла в том, что поляки – это новый народ-мессия, посланный для искупления всего рода человеческого. Он, как Спаситель, страдал, был распят и погребен, но ему суждено воскреснуть, одолеть дух мрака, воплощенному преимущественно в России, и принести с собой всему человечеству царство свободы и блаженства. Мессианизм Товьянского – Мицкевича, развивавшийся в 1842–1844 гг., возбудил против себя протесты самого католического духовенства и не мог долго удержаться даже в среде польской эмиграции: но он важен как самый яркий признак того умственного состояния, до которого могли дойти эти люди.

Что касается великого поэта А. Мицкевича, то хотелось помимо его литературно-творческого наследия и университетского курса о славянской литературе обратить внимание на него как на мыслителя сквозь призму пресловутого польского вопроса. Для этого небезынтересно было бы обратиться к его статье «О конституции повстанцев», написанной в апреле 1833 г. к годовщине «ноябрьского» восстания. В ней он опровергает мысль, появившуюся в польской эмиграции, определить заранее ту форму правления и конституцию, которую должна получить Польша после освобождения от русской власти. По мнению великого польского поэта, конституции следовало быть составленной всего из шести (6) статей: «Ст. 1. Москаля, служащего Николаю, убивать, ловить, преследовать как можно дальше. Ст. 2. Между повстанцами и Николаем нет никаких условий, договоров, конвенций, перемирий, сношений и т. п. Ст. 3. Каждого шпега (шпиона), каждого русского чиновника, угнетавшего поляков, каждого поляка, уличенного в том, что он сторонник России, ловить, судить, казнить. Ст. 4. Революционная власть принадлежит тому, кто ее возьмет. Она более или менее обширна, смотря по многочисленности отдела, ей подчиненного, талантам и счастью вождя. Власть эта остается до тех пор, пока ей повинуются. Ст. 5. Власть, водворившись в городе или местечке, становится законодательною; схватив преступника, превращается в судебную; а если состоит из малого числа повстанцев, сама выполняет свои приговоры. Ст. 6. Подати собираются из добровольных приношений. Кроме того, власть забирает все, что нужно во время войны» [Гильфердинг, 2009, с. 464–465].

Выходит, что процесс проникновения польских исторических начал в славянскую душу народа к первой трети XIX в. не обошел стороной даже великого польского поэта А. Мицкевича – ведь кто как не поэт является своеобразным зеркалом души народа? Всего лишь через год после создания Евангелия от Мицкевича последовала и Конституция от Мицкевича, согласно которой лучшим и надежнейшим эликсиром для обеспечения польской свободы является убийство москаля, а попутно и поляка – сторонника России. Другими словами, после распятия, погребения и воскресения Польши великим польским поэтом на случай отказа признать границы 1772 г. для России под личиной конституции была фактически уготована Варфоломеевская ночь.

Касательно проникновения польских исторических начал в славянскую душу народа следует, пожалуй, отметить еще один чувствительный момент польского вопроса, который ощутимо дал о себе знать и стал одной из подлинных причин, лежавших у истоков так называемого «январского» восстания. Речь идет об акте 1857 г. дворян Ковенской, Виленской и Гродненской губерний, который был направлен высшим властям Российской империи в преддверии подготовки манифеста 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян. Основной мыслью данного документа, авторство которого принадлежало преимущественно польским дворянам, было освобождение крестьян без земли, дабы превратить

рый свою первую философскую работу «Критика философии, основанная на первом принципе человеческого знания» опубликовал еще в нач. XIX в. [Hoëné-Wroński, 1803]. В 1831 г. в Париже увидело свет одно из его основных философских произведений «Мессианство. Окончательный союз философии и религии, составляющий абсолютную философию», первый том которого назывался «Пролог мессианства. Откровение судьбы человечества» [Hoëné-Wroński, 1831]. Однако в «мессианизме» Вроньского большое место уделялось идее единства славянских народов, ведущая роль среди которых была уготована, по его мнению, России. Парадокс ситуации заключался в том, что, будучи ревностным католиком, он умудрялся писать многочисленные послания русскому царю, Наполеону III и римскому папе [Петрова, Романовска, 1979, с. 161].

русское и литовское простонародье в пролетариат, безусловно зависимый от землевладельцев в своем существовании, и тем самым под эгидой свободы упрочить навсегда свое господство. Другими словами, пока приготавливалась крестьянская реформа, поляки западных губерний добивались того, чтобы удержать крестьянское население (т. е. русских и литвинов) в полной административной и политической зависимости от дворянства.

Когда же заявления польского дворянства западных губерний против крестьянского самоуправления не были услышаны, то после обнародования 19 февраля 1861 г. манифеста, снимающего цепи с русского народа, уже 25 февраля в Варшаве состоялась первая демонстрация со знаменами старых провинций, принадлежавших Польше по праву господства шляхты над этим самым русским народом. Поскольку власти не предприняли жестких мер, то постепенно эти выступления и переросли в так называемое «январское» восстание 1863 г. А.Ф. Гильфердинг, комментируя данный сюжет, весьма уместно проводит параллель с войной Севера и Юга, которая имела место в это же время в США. Он отмечает, что южане, защищая институт рабства, «провозглашают, что они идут на смерть за «священное дело свободы» против «невыносимого деспотизма» грубых янки, – как поляки, защищая свою «домашнюю институцию» (владычество их шляхетской народности над русской), уверяют мир, что подняли меч за свободу против невыносимого деспотизма варварских москалей. И те, и другие действительно сражаются за свободу, но только для себя, с тем, чтобы другие были их слуги и рабы» [Гильфердинг, 2009, с. 201–210].

Таким образом, в течение конца XVIII – начала XX вв., то есть в период отсутствия у Польши государственности, польский вопрос наиболее выразительно проявлял себя на территории Российской империи. Ко второй половине XIX в. польские исторические начала стали превалировать над славянской основой польского народа, и многие его представители выступали не только против России, но и в роли гонителей других славянских народов, лишь бы добиться возвращения Польше границ 1772 г., что нашло свое проявление в период «ноябрьского» восстания. А во второй половине XIX в. их преобладание над славянской основой носило реакционный характер и приобрело среди прочего изощренно иезуитский оттенок, когда для прикрытия своего стремления сохранить белорусских и литовских крестьян в положении рабов было развязано «январское» восстание 1863 г.

Относительно предмета исследования нашей темы в межвоенный период уместно было бы использовать термин «польско-советский вопрос». Во время Первой мировой войны, то есть накануне обретения Польшей государственности, некоторым отечественным мыслителям было свойственно задумываться над будущим русско-польских отношений. В частности, крупный русский философ Н.А. Бердяев отмечал: «Русская политика относительно Польши давно уже стала историческим пережитком, она связана с далеким прошлым и не дает возможности творить будущее. В этой неумной политике виновный не мог простить тому, перед кем виноват... Россия выросла в колосса как государственного, так и духовного, и давно уже раздувание польской опасности, как и опасности католической, постыдно и обидно для достоинства русского народа» [Бердяев, 1990, с. 162; Морозов, 2017b, с. 80].

Великий русский философ Бердяев был православным человеком и, вероятнее всего, не был знаком с Евангелием от Мицкевича, часть предсказаний из которого, похоже, имели тенденцию сбыться в течение 1917–1918 гг. Империи государств-разделителей: Австро-Венгрии, Германии, России – пали. Польша, словно птица Феникс, возродилась из небытия, причастность к каковому событию в широких польских кругах принято было связывать с именем Юзефа Пилсудского, весьма подходившего, кстати, на роль мессии. Весьма многим в Польше казалось, что ненавистные москали наконец получили по заслугам, и час расплаты с ними за все нанесенные, по мнению поляков, обиды уже у порога. В течение 1918–1921 гг. молодое польское государство развернуло борьбу за восстановление польского фактора на вновь обретенных территориях, чтобы возродиться в границах 1772 г.: в Галиции велась польско-украинская война, в Верхней Силезии шли столкнове-

ния с немцами, на юге – с чехами в Тешинской Силезии, в Литве был захвачен Вильно, а на востоке отгремела советско-польская война, завершившаяся Рижским миром 1921 г.

Однако мессианский результат так и не был достигнут. Формально отойдя от власти в 1922 г., маршал Пилсудский продолжал внимательно следить за событиями на международной арене касательно возможных перспектив реализации его сокровенной мечты. В историографии её принято называть федералистскими планами, целью которых было, во-первых, возрождение «Великой Польши», то есть в границах 1772 г. Во-вторых, они предполагали появление на границах этого потенциального крупного государства федерации в составе Грузии, Армении, Румынии, Венгрии, Латвии, Эстонии и Финляндии. Они были бы объединены в военно-политический союз, проект которого в исторической литературе принято было называть «интермариумом», или «междуморьем». Одним из его инструментов создания была особая политика, носившая название «прометеизм»¹. Ее результатом должно было стать отделение от Советской России Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана, а России предстояло «откатиться» за Урал [Maciejewski, 2009, s. 139–158; Морозов, 2016а, с. 70].

Когда в 1925 г. на основе документов Локарнской конференции и 19 ст. Устава Лиги наций был создан правовой механизм подталкивания Германии на Восток, а Польшу не включили в Рейнский пакт, предложив подписать с Берлином арбитражный договор о регулировании границ, Пилсудский понял, что вместо мессианской миссии на Востоке ему, возможно, предложат расстаться с «польским коридором»². Не желая видеть Польшу марионеткой в руках западных держав, он в мае 1926 г. произвел государственный переворот и расставил на ключевые должности в государстве верных ему людей. Как и прежде, он не занимал ответственных государственных постов, однако получил возможность выстраивать внешнеполитический курс Польши единолично [Морозов, 2016b, с. 84–89].

Маршал был настолько уверен в своей миссии свыше, что не побоялся путем жесткого шантажа, прикрытого блефом «превентивной войны», в течение зимы-весны 1933 г. заставить германского канцлера А. Гитлера отказаться от использования открывшейся возможности в связи с «пактом четырех» ревизии польских границ. А вместо этого серьезно отнестись к перспективе польско-германского сотрудничества в рамках его планов воссоздания «Великой Польши» [Морозов, 2015, с. 7–28].

За подписанной 26 января 1934 г. декларацией «Липский – Нейрат» через месяц последовал секретный договор от 25 февраля 1934 г.³, где среди прочего 5-я статья предусматривала возможность прохождения германских войск через польскую территорию в северо-восточном и восточном направлении. После того как генерал С. Араки прислал в июле письмо Пилсудскому о готовности японской армии напасть в любой момент на советский Дальний Восток при условии, что Германия с Польшей нападут на западные границы СССР на следующий день, дуэт не замедлил преобразоваться в трио. Когда же в конце декабря 1934 г. на одной из тайных встреч в Копенгагене главе польского МИД Ю. Беку директор Банка Англии М. Норман пообещал на польско-германскую интервенцию выделить 500 млн золотых долларов при обязательном участии в займе Франции, то исполнение мессианского пророчества из Евангелия от Мицкевича в полной мере казалось уже не за горами [Морозов, 2017а, с. 124–226].

Лишь адекватные меры, предпринятые Политбюро во главе с И.В. Сталиным, проинформированным советской разведкой, имевшей «источник» в ближнем окружении

¹ «Прометеизм» среди прочего предполагал всяческую поддержку II отделом Главного штаба Войска Польского (разведка и контрразведка) российских эмигрантов – выходцев из Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа, которые через агентуру в СССР должны были поднять мятеж с целью отпадения от Москвы.

² Участок польской территории вдоль р. Висла, обеспечивавший в соответствии с одним из 14 пунктов президента США Вильсона и Версальским договором выход Польши к морю, который был создан за счет бывшей германской территории.

³ О нем см.: [Морозов, 2005, с. 35–53].

польского вождя, позволили в течение 2–17 мая 1935 г. создать «систему малой коллективной безопасности», предотвратившую, казалось, неизбежную польско-германо-японскую интервенцию против СССР [Морозов, 2017а, с. 50]. Старый маршал 12 мая он скончался от тяжелой болезни. Достойных продолжателей его дела не нашлось, а сентябрь 1939 г. превратил польско-советский вопрос в польский вопрос и перевел его в другую плоскость. Касательно же мессианской роли, то Вторая мировая война весьма наглядно показала, во-первых, что западная цивилизация – это «цивилизация, носящая смерть в самом своем корне» [Бродский, 2015, с. 204], во-вторых, что польский народ, которому III Рейх готовил альтернативу «печь крематория или онемеченный раб», был спасен от этой участи ценой жизни более 600 000 советских солдат¹. Ответ на вопрос, кто же из двух народов более подходит на роль мессии, пусть останется на совести польского народа.

В период 1945–1990 гг. польский вопрос не имел прежней остроты, так как Польша была союзником СССР и ей была отведена роль одного из центральных звеньев, обеспечивавших военно-стратегическую безопасность социалистического блока, о чем свидетельствует само его название – страны Варшавского договора². Однако после распада социалистического лагеря с начала 1990-х гг. он постепенно начал набирать свою силу, что было связано в том числе и со стремлением польских политических элит играть более значимую роль и обрести свое место в новом, тогда еще однополярном мире³. Например, Польша стала одним из участников так называемой Вишеградской группы, созданной 15 февраля 1991 г., куда помимо нее в настоящее время входят Венгрия, Чехия и Словакия. В 1999 г. Польша вступила в НАТО, а в 2004 г. – в Европейский союз.

Серьезное внимание уделяется развитию ее вооруженных сил, к чему приложили руку США, подарившие в начале 2000-х гг. два списанных ракетных фрегата⁴, которые вошли в состав ее военно-морского флота под названиями «Генерал Казимеж Пуласки» и «Генерал Тадеуш Костюшко»⁵. Польские ВМС, помимо этих двух, насчитывают корвет проекта 620 «Кашуб», 3 ракетных катера типа «Оркан», 5 подводных лодок, 5 средних десантных кораблей типа «Люблин», почти два десятка базовых тральщиков, плюс множество вспомогательных судов⁶. На побережье, примыкающему к Калининградской области, несколько лет назад были развернуты береговые ракетные комплексы NSM⁷ с дальностью полета 185 км. А в феврале 2017 г. Бюро национальной безопасности Польши представило стратегическую концепцию морской безопасности страны, в которой присутствует только одна константа – угроза, исходящая якобы от России. Ее составители – сторонники создания в Польше военно-морских сил «средней численности», например, близких по составу к норвежским ВМС (23 боевые единицы). Этот «средний» флот должен иметь возможность действовать не только в Балтийском море, но и вдали от территориальных вод в со-

¹ На территории Польши также были убиты около 700 000 советских военнопленных [В Польше... 2017].

² Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (Варшавский договор) был заключен 14 мая 1955 г. Он оформил создание военного-политического союза европейских государств социалистической ориентации при ведущей роли СССР, который получил название – Организация Варшавского договора (ОВД).

³ В качестве одного из формально-символических жестов, призванных продемонстрировать возрождение военно-политической наполненности внешней политики Польши касательно ее мессианской роли (восстановление границ 1772 г.?), можно рассматривать так называемую «коронацию» орла на государственном гербе Польши в декабре 1989 – феврале 1990 гг. и его «вооружение» (окраска клюва, когтей и короны золотом) в феврале 2001 г. [Спаткай, 2015].

⁴ Класса «Оливер Хазард Перри» (FFG-7) [Правительство США... 2002].

⁵ Оба ракетных фрегата предполагается отремонтировать в течение 2018 г. и продлить срок их эксплуатации до 2024 г. [ВМС Польши..., 2018].

⁶ В 2018 г. планировалось передать флоту, строившийся на польской судовой верфи с начала 2000-х гг., корвет проекта «Гаврон» – «Щльонзак».

⁷ Naval Strike Missile – «Морская ударная ракета» производства норвежской компании Kongsberg Defence & Aerospace.

трудничестве с «большими флотами». Под «большими флотами», очевидно, подразумеваются ВМС США [Ванин, 2018].

Уделяется значительное внимание развитию польских сухопутных и военно-воздушных сил. На программу их модернизации планировалось до 2022 г. затратить рекордную для стран Центральной и Восточной Европы сумму – около 45 млрд долларов¹. Принята новая военно-политическая доктрина страны – «Польские клыки», в рамках которой решено переориентировать расходы с поддержки международных военных операций, например, в Афганистане, на развитие мобильности и огневой мощи вооруженных сил, приоритет отдан сухопутным войскам и развитию национальной системы ПВО-ПРО. Одновременно Польша является одной из ключевых стран Восточной Европы для размещения компонентов системы ПРО НАТО. Вашингтон планировал к 2018 г. разместить на базе ВВС Польши в Редзиково ракеты-перехватчики SM-3 Block IIА. По мнению некоторых экспертов, польские вооруженные силы не склонны следовать общеевропейской тенденции сокращения численности войск и тяжелых вооружений. Наоборот, Польша наращивает мощь своих вооруженных сил, а польские эксперты практически в открытую говорят о том, что главный враг Польши – Россия [Самсонов, 2013].

Летом 2017 г. в польше был принят и в конце октября вступил в силу «Закон о запрете пропаганды коммунизма или иного тоталитарного строя в названиях зданий, объектов и помещений для публичного пользования», согласно которому более чем 450 памятников по всей стране, 230 из которых – это памятники солдатам Советской армии, должны быть убраны из общественных мест в течение 12 месяцев. Государство выделило на это около пяти миллионов злотых (около 1,4 миллиона долларов). Ведущим инструментом этой политики и отчасти контролирующим органом, согласно данному закону, является Институт национальной памяти Польши [В Польше..., 2017].

В то же время место старых памятников занимают монументы новым героям – так называемым «проклятым солдатам» – бойцам антикоммунистического Сопротивления 1940-х – 1950-х гг. – и экс-президенту Л. Качиньскому, погибшему при катастрофе правительственного Ту-154 10 апреля 2010 г. под Смоленском. Ещё одна фигура, заслужившая увековечивания от польских властей, – агент ЦРУ Рышард Куклинский, с 1972 по 1981 гг. передавший США тысячи секретных документов, память которому увековечена в нескольких городах, в том числе в Кракове. Современный польский политолог, вице-президент Европейского центра геополитического анализа Конрад Рекаш авторитетно заявляет: «Послушный инструмент американской политики «Право и Справедливость»² стремится создать полностью новую польскую идентичность, полностью прозападную, оторванную от реальной истории, забывшую собственных героев. Нацией без корней легче управлять. Когда мы забудем, на какой стороне воевали и победили во Второй мировой наши деды, их внуков будет легче отправить на другую войну просто как пушечное мясо» [К чему могут привести..., 2018].

В связи с этим директор фонда «Российско-польский центр диалога и согласия» Юрий Бондаренко отмечает, что задача подобной политики – переписать историю страны под новую концепцию, согласно которой Польша плавно перешла из германской оккупации в советскую. То есть была несвободной ровно полвека, с 1939 по 1989 гг. Соответственно, сама государственная политика Польши, пронизанная русофобией, подразумевает, что все, кто боролся за освобождение страны от полувековой оккупации с оружием в руках, – герои, а истинная цель зачистки – переформатировать сознание миллионов поляков [Памятники и беспамятство..., 2017].

В январе 2018 г. министерство обороны Польши подготовило документ под названием «Предложение о постоянном американском присутствии в Польше». При прежнем

¹ Например, танковый парк, насчитывавший в начале 2010-х гг. 900 единиц и состоявший из германских танков «Леопард» и советских Т-72, планируется удвоить за счет приобретения танков у Германии и собственной разработки «Андерс».

² Правящая партия Польши.

министре национальной обороны Антони Мачеревиче военное ведомство пыталось добиться от США согласия на постоянное размещение в Польше американской бронетанковой бригады в обмен на создание за польский счет полной инфраструктуры для размещения этого соединения стоимостью 1,5–2 млрд долларов [Минобороны Польши..., 2018]. Согласно этому документу, присутствие американских сил укрепит безопасность в регионе так называемого «коридора» Сувалки, то есть на отрезке польско-литовской границы длиной около 100 км (участок примыкает на юге к Белоруссии, а на севере – к Калининградскому анклаву России). И хотя ответом Вашингтона стал отказ, нынешний глава польского оборонного ведомства Мариуш Блащак заявил, что хочет видеть в своей стране постоянную военную базу США. Он подчеркнул, что Польша делает для этого все, что от нее зависит, поскольку данный вопрос очень важен для ее национальной безопасности [Польша продаст..., 2018; Польша хочет..., 2018].

Холодок со стороны Вашингтона в отношении Варшавы, возможно, связан с польскими поправками в закон об Институте национальной памяти, в соответствии с которыми введен запрет на обвинения поляков в преступлениях нацистов на их территории в годы войны. Во всяком случае во время визита на Ассамблею ООН польский президент Анджей Дуда стал жертвой дипломатического унижения – во встрече ему отказал не только Трамп, но и высокопоставленные чиновники Вашингтона [Польша продаст..., 2018].

Более того, президент США подписал в мае 2018 г. закон 447 о возвращении жертвам холокоста утраченного имущества, в соответствии с которым американские власти обещают оказывать им всяческое содействие в этом вопросе. Госсекретарю США поручено отчитаться перед Конгрессом через 18 месяцев о наличии такого имущества в 46 странах, в том числе в Польше. Подписание Трампом данного закона наслылось на непрекращающиеся обвинения Израиля в адрес Польши касательно попыток скрыть правду о соучастии поляков в истреблении евреев. Указывается, что во многих случаях причиной, по которой поляки передавали евреев в руки нацистов, было желание завладеть их недвижимым имуществом. Израильские активисты утверждают, что два из каждых трёх погибших польских евреев были убиты либо самими поляками, либо при их содействии. Следует также иметь в виду, что до Второй мировой в Польше проживала крупнейшая еврейская община, и доля еврейского имущества здесь всегда была высока. Согласно оценке лидера партии «Союз реальной политики» Станислава Михалкевича: «Поляки должны теперь заплатить евреям 300 млрд долларов» [Американцы заставят..., 2018].

В связи с этим польский вопрос на данный момент носит сложный и многоаспектный характер, в котором нашли свое проявление как антироссийские и русофобские проявления, так и новые, ранее не имевшие место обстоятельства внешнеполитической позиции Польши, в частности, в отношении США. В данной ситуации, а скорее всего, в перспективе, особую роль может сыграть Россия, для которой польский вопрос всегда имел особое значение. В связи с этим уместно было бы процитировать российского философа и публициста середины – второй половины XIX в. Н.Н. Страхова: «Польский вопрос, вероятно, еще долго будет глубоким русским вопросом; чем он труднее и важнее, тем нужнее для нас сознать в отношении к нему свой долг» [Страхов, 1863]. В этом смысле иногда имеет смысл обратить внимание на пример коллег из других стран, в частности, на Германию, где в Берлине существует институт изучения Китая. Учитывая данный опыт, представляется целесообразным создать в каком-либо из российских вузов центр изучения Польши (с перспективой превращения в институт), который бы учитывал в своей деятельности разнообразные возможности для построения продуктивного диалога.

Список литературы

1. Американцы заставят поляков вернуть имущество жертв холокоста. 11.05.2018. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2018/05/11/amerikancy-zastavjat-poljakov-vernut-imuschestvo-zhertv-holokosta-46116.html> (дата обращения: 15 августа 2018).
2. Бердяев Н.А. 1990. Судьба России. М., Философское общество СССР, 255.

3. Бродский А.И. 2015. Кто взойдет на гору Господню. Польша, Россия и Украина в свете мессианской идеи. Вече: альманах русской философии и культуры. 27: 183–206.
4. В Польше вступает в силу закон, позволяющий сносить советские памятники. РИА Новости. 21.10.2017. URL: <https://ria.ru/world/20171021/1507290431.html> (дата обращения: 15 августа 2018).
5. Ванин А. 2018. Военно-морские амбиции Польши. URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/navy/2017/0321/221321026/detail.shtml> (дата обращения: 15 августа 2018).
6. ВМС Польши продлят срок эксплуатации фрегатов класса «Оливер Хазард Перри». 20.03.2018. URL: https://vpk.name/news/209483_vms_polshi_prodyat_srok_ekspluatacii_fregatov_klassa_oliver_hazard_perri.html (дата обращения: 15 августа 2018).
7. Гильфердинг А.Ф. 2009. Россия и славянство. Сост. С.В. Лебедев. Отв. ред. О.А. Платонов. М., Институт русской цивилизации, 566.
8. История дипломатии. 1941. Под ред. В.П. Потемкина. Т.1. М., ОГИЗ, 922.
9. К чему могут привести попытки властей Польши избавиться от советских памятников. RT на русском. 31.03.2018. URL: <https://news.rambler.ru/other/39496975-k-chemu-mogut-privesti-popytki-vlastey-polshi-izbavitsya-ot-sovetskih-pamyatnikov/> (дата обращения: 15 августа 2018).
10. Ларионова Е.О. 2010. Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «Русская идея» в зеркале польского мессианизма. К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., Издательство Пушкинского Дома; Издательский дом «Петрополис», 521.
11. Минобороны Польши предлагало США \$2 млрд за размещение танковой бригады. 2018. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5241159> (дата обращения: 15 августа 2018).
12. Морозов С.В. 2005. К вопросу о секретном польско-германском договоре 1934 г. Славяноведение. 5: 35–53.
13. Морозов С.В. 2015. Игры теней в европейской международной политике в 1930-е гг. Великая Победа. Интернет-проект. Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. II. Канун трагедии. МГИМО (Университет) МИД России; РВИО: 7–28. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiidii> (дата обращения: 15 августа 2018).
14. Морозов С.В. 2016а. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Германии против СССР (1933–1935). Вестник Томского государственного университета. История. 6 (44): 70–79.
15. Морозов С.В. 2016б. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток. Вестник Томского государственного университета. Ноябрь. 412: 84–89.
16. Морозов С.В. 2017а. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги. Документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939). М., Международные отношения, 438.
17. Морозов С.В. 2017б. Польша и Восточный пакт. Вестник Кемеровского государственного университета. 4: 80–84.
18. Новый завет. С методическими указаниями. 1990. М., Христианское издательство, 416.
19. Памятники и беспамятство. Почему Польша сносит монументы советским воинам. 2017. URL: <http://slyxi.com/pamyatniki-i-bespanyatstvo-pochemu-polsha-snosit-monumenty-sovetskim-voinam/> (дата обращения: 15 августа 2018).
20. Петрова С.С., Романовска Д.А. 1979. Об универсальном ряде Гёне-Вронского. Историко-математические исследования. XXIV. М., Наука, 158–175.
21. Повесть временных лет. 1997. Т. 1: XI–XII века. Подгот. текста, пер. и комм. О.В. Творогова. Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., Наука, 511.
22. Польша продаст душу за военную базу США? 13.06.2018. URL: <https://www.pravda.ru/news/world/13-06-2018/1386269-usa-0/> (дата обращения: 15 августа 2018).
23. Польша хочет купить у США военную базу. Из-за России, конечно. 28.05.2018. URL: <https://www.pravda.ru/news/world/28-05-2018/1384910-polska-0/> (дата обращения: 15 августа 2018).
24. Правительство США подарило Польше ракетный фрегат. 25.09.2002. URL: <http://shipbuilding.ru/rus/news/foreign/2002/09/25/ship/> (дата обращения: 15 августа 2018).
25. Самсонов А. 2013. Польский сценарий российского блицкрига. Доктрина «Польские клыки». 19.12.2013. URL: <https://topwar.ru/37509-polskiy-scenariy-rossiyskogo-blickriga-doktrina-polskie-klyki.html> (дата обращения: 15 августа 2018).

26. Спаткай Л. 2015. Под сенью белого орла. URL: <http://www.istpravda.ru/bel/research/6794/> (дата обращения: 15 августа 2018).
27. Страхов Н.Н. 1863. Роковой вопрос. URL: http://dugward.ru/library/strahov/strahov_rokovoju_vopros.html (дата обращения: 15 августа 2018).
28. Титмар из Мерзебурга. 2005. Хроника. Пер. с лат. И.В. Дьяконова. М., SPSSL–Русская панорама, 654.
29. Duchński F. 1861. Les origins slaves. Pologne et Ruthénie. Paris: Typographie de firmin Didot Frères, 211.
30. Hoëne-Wroński J.M. 1831. Messianisme. Union finale de la philosophie et de la religion, constituant la philosophie absolue. T.1: Prodrôme du messianism. Revelation de destinees de l'humanité. Paris, 189.
31. Hoëné-Wroński J. 1803. Philosophie critique, fondée sur le premier principe du savoir humain. Marseille, 265.
32. Maciejewski M. 2009. Federacyjne koncepcje pilsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej. Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / pod red. Marszałka M., Sadowskiego M. Wrocław, 622.
33. Mickiewicz A. 1832. Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego. Paryż, w drukarni A. Pinard, przy Quai Voltaire, 287.
34. Mickiewicz A. 1849. Les Slaves. Cours professé au Collège de France / par Adam Mickiewicz et publié d'après les notes sténographiées. T. I–V. Paris, Au comptoir des Imprimeurs-Unis, 488.
35. Mieroslawski L. 1856. De la nationalité polonaise dans l'équilibre européen / par Louis Mieroslawski. Paris, Librairie de F. Chamerot, 376.
36. Szajnocha K. 1859. Bolesław Chrobry i odrodzenie się Polski za Władysława Łokietka. Dwa opowiadania historyczne przez Karola Szajnochę. Wydanie drugie, poprawne. Lwów, nakładem Karola Wilda, 554.
37. Szajnocha K. 1861. Jadwiga i Jagiello. 1374–1413. Opowiadanie historyczne przez Karola Szajnochę. Wydanie drugie, poprawne. T. I–IV. Lwów, nakładem autora, 488.

References

1. Amerikancy zastavyat polyakov vernut' imushchestvo zhertv holokosta [Americans will force the Poles to return the property of victims of the Holocaust]. 11.05.2018. Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2018/05/11/amerikancy-zastavjat-poljakov-vernut-imuschestvo-zhertv-holokosta-46116.html> (accessed: 15 August 2018)
2. Berdyaev N.A. 1990. Sud'ba Rossii [The fate of Russia]. Moscow, Filosofskoe obshchestvo SSSR, 255.
3. Brodskij A.I. 2015. Kto vzojdet na goru Gospodnyu. Pol'sha, Rossiya i Ukraina v svete messianskoj idei [Who will ascend the mountain of the Lord. Poland, Russia and Ukraine in the light of the Messianic idea]. Veche: al'manah russkoj filosofii i kul'tury. 27: 183–206.
4. V Pol'she vstupayet v silu zakon, pozvol'yayushchij snosit' sovetskie pamyatniki [In Poland, the law enters into force allowing the demolition of Soviet monuments]. RIA Novosti. 21.10.2017. Available at: <https://ria.ru/world/20171021/1507290431.html> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
5. Vanin A. 2018. Voenno-morskie ambicii Pol'shi [Polish naval ambitions]. Available at: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/navy/2017/0321/221321026/detail.shtml> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
6. VMS Pol'shi prodlyat srok ehkspluatacii fregatov klassa «Oliver Hazard Perri» [The Polish Navy will extend the life of frigates of the class «Oliver Hazard Perry»]. 20.03.2018. Available at: https://vpk.name/news/209483_vms_polshi_prodlyat_srok_ekspluatacii_fregatov_klassa_oliver_hazard_perri.html (accessed 15 August 2018) (in Russian).
7. Gil'ferding A.F. 2009. Rossiya i slavyanstvo [Russia and Slavs]. Sost. S.V. Lebedev. Otv. red. O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 566.
8. Istoriya diplomatii [History of diplomacy]. 1941. Pod red. V.P. Potemkina. T. 1. Moscow, OGIZ, 922.
9. K chemu mogut privesti popytki vlastej Pol'shi izbavit'sya ot sovetskih pamyatnikov. RT na russkom [What can lead the attempts of the Polish authorities to get rid of Soviet monuments]. 31.03.2018. Available at: <https://news.rambler.ru/other/39496975-k-chemu-mogut-privesti-popytki-vlastey-polshi-izbavitsya-ot-sovetskih-pamyatnikov/> (accessed: 15 August 2018) (in Russian)

10. Larionova E.O. 2010. Kurs lekcij Adama Mickevicha v Collège de France: «Russkaja ideja» v zerkale pol'skogo messianizma. K istorii idej na Zapade: «Russkaja ideja» [A course of lectures by Adam Mickiewicz in Collège de France: "The Russian Idea" in the mirror of Polish messianism. To the history of ideas in the West: «Russian idea»]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma; Izdatel'skij Dom «Petropolis», 521.
11. Minoborony Pol'shi predlagalo SSHA \$2 mlrd za razmeshchenie tankovoj brigady [Polish Defense Ministry offered US \$ 2 billion for the deployment of a tank brigade]. 2018. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5241159> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
12. Morozov S.V. 2005. K voprosu o sekretnom pol'sko-germanskom dogovore 1934 g. [On the issue of the secret Polish-German treaty of 1934]. Slavyanovedenie. 5: 35–53 (in Russian).
13. Morozov S.V. 2015. Iгры tenej v evropejskoj mezhdunarodnoj politike v 1930-e gg. Velikaya Pobeda [Shadow Games in European International Politics in the 1930s A great victory.]. Internet-proekt. Pod obshch. red. S.E. Naryshkina, A.V. Torkunova. T. II. Kanun tragedii. MGIMO (Universitet) MID Rossii; RVIO: 7–28. Available at: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghdii> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
14. Morozov S.V. 2016a. K voprosu o voenno-politicheskom sotrudnichestve Pol'shi i Germanii protiv SSSR (1933–1935) [On the issue of military-political cooperation between Poland and Germany against the USSR (1933–1935)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 6 (44): 70–79.
15. Morozov S.V. 2016b. K voprosu o sozdaniiv 1925 g. pravovogo mekhanizma «podtalkivaniya» Germanii na Vostok [On the question of the creation in 1925 of the legal mechanism of «pushing» Germany to the East]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Noyabr'. 412: 84–89.
16. Morozov S.V. 2017a. «Varshavskaya melodiya» dlya Moskvy i Pragi. Dokumenty iz lichnogo arhiva I.V. Stalina, Sluzhby vneshnej razvedki Rossijskoj Federacii, II Otdela Glavnogo shtaba Vojska Pol'skogo i dr. (1933–1939) [Warsaw Melody for Moscow and Prague. Documents from the personal archive of I.V. Stalin, Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, II Division of the General Staff of the Polish Army, etc. (1933–1939)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 438.
17. Morozov S.V. 2017b. Pol'sha i Vostochnyj pakt [Poland and the Eastern Pact]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 4: 80–84 (in Russian).
18. Novyj Zavet. S metodicheskimi ukazaniyami [New Testament. With guidelines]. 1990. Moscow, Khristianskoe izdatel'stvo, 416.
19. Pamyatniki i bespamyatstvo. Pochemu Pol'sha snosit monumenty sovetskim voenam [Monuments and unconsciousness. Why Poland demolishes monuments to Soviet soldiers]. 2017. Available at: <http://slyxi.com/pamyatniki-i-bespamyatstvo-pochemu-polsha-snosit-monumenty-sovetskim-voenam/> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
20. Petrova S.S., Romanovska D.A. 1979. Ob universal'nom ryade Gyone-Vronskogo [On the universal Göne-Vronsky series]. Istoriko-matematicheskie issledovaniya. XXIV. Moscow, Nauka, 158–175.
21. Povest' vremennyh let [Tale of Bygone Years]. 1997. T.1: XI–XII veka. Podgot. teksta, per. i komm. O.V. Tvorogova. Pod red. D.S. Likhachyova, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka, 511.
22. Pol'sha prodast dushu za voennuyu bazu SSHA? [Poland will sell the soul for the US military base?]. 13.06.2018. Available at: <https://www.pravda.ru/news/world/13-06-2018/1386269-usa-0/> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
23. Pol'sha hochet kupit' u SSHA voennuyu bazu. Iz-za Rossii, konechno [Poland wants to buy a military base from the USA. Because of Russia, of course]. 28.05.2018. Available at: <https://www.pravda.ru/news/world/28-05-2018/1384910-polska-0/> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
24. Pravitel'stvo SSHA podarilo Pol'she raketnyj fregat [The US government gave Poland a missile frigate]. 25.09.2002. Available at: <http://shipbuilding.ru/rus/news/foreign/2002/09/25/ship/> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
25. Samsonov A. Pol'skij scenarij rossijskogo blickriga. Doktrina «Pol'skie klyki» [Polish script Russian blitzkrieg. Doctrine «Polish fangs»]. 19.12.2013. Available at: <https://topwar.ru/37509-polskiy-scenarij-rossiyskogo-blickriga-doktrina-polskie-klyki.html> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
26. Spatkaj L. 2015. Pod sen'yu belogo oral [Under the shadow of a white eagle]. Available at: <http://www.istpravda.ru/bel/research/6794/> (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
27. Strahov N.N. 1863. Rokovoj vopros [Fatal question]. Available at: http://dugward.ru/library/strahov/strahov_rokovoy_vopros.html (accessed: 15 August 2018) (in Russian).
28. Titmar iz Merzeburga. 2005. Hronika [Chronicle]. Per. s lat. I.V. D'yakonova. Moscow, SPSL–Russkaya panorama, 654 (in Russian).

29. Duchński F. 1861. Les origins slaves. Pologne et Ruthénie. Paris: Typographie de firmin Didot Frères, 211 (in French).

[Duchński F. 1861. Slavic origins. Poland and Ruthenia. Paris: Typography of firmin Didot Frères, 211]

30. Hoëne-Wroński J.M. 1831. Messianisme. Union finale de la philosophie et de la religion, constituant la philosophie absolue. T.1: Prodrome du messianism. Revelation de destinees de l'humanite. Paris, 189 (in French).

[Hoëne-Wroński J.M. 1831. Messianism. Final union of philosophy and religion, constituting the absolute philosophy. T.1: Prodrome of messianism. Revelation of the destinies of humanity. Paris, 189]

31. Hoëné-Wroński J. 1803. Philosophie critique, fondée sur le premier principe du savoir humain. Marseille, 265 (in French).

[Hoëné-Wroński J. 1803. Critical philosophy, based on the first principle of human knowledge. Marseille, 265]

32. Maciejewski M. 2009. Federacyjne koncepcje pilsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej. Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / pod red. Marszałka M., Sadowskiego M. Wrocław, 622 (in Polish).

[Maciejewski M. 2009. Federated concepts of Pilsudski at the dawn of the Second Polish Republic. On independent routes: Polish political and legal thought in 1918–1939 / edited by Marszałka M., Sadowski M. Wrocław, 622]

33. Mickiewicz A. 1832. Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego. Paryż, w drukarni A. Pinard, przy Quai Voltaire, 287 (in Polish).

[Mickiewicz A. 1832. Books of the Polish nation and Polish pilgrimage. Paris, in the A. Pinard printing house, at Quai Voltaire, 287]

34. Mickiewicz A. 1849. Les Slaves. Cours professé au Collège de France / par Adam Mickiewicz et publié d'après les notes sténographiées. T. I–V. Paris, Au comptoir des Imprimeurs-Unis, 488 (in French).

[Mickiewicz A. 1849. The Slavs. Course taught at the College de France / by Adam Mickiewicz and published according to stenographic notes. T. I-V. Paris, At the Counter of the United Inpreaters, 488]

35. Mieroslawski L. 1856. De la nationalite polonaise dans l'equilibre europeen / par Louis Mieroslawski. Paris, Librairie de F. Chamerot, 376 (in French).

[Mieroslawski L. 1856. Polish nationality in European equilibrium / by Louis Mieroslawski. Paris, F. Chamerot's Bookstore, 376]

36. Szajnocha K. 1859. Bolesław Chrobry i odrodzenie się Polski za Władysława Łokietka. Dwa opowiadania historyczne przez Karola Szajnochę. Wydanie drugie, poprawne. Lwów, nakładem Karola Wilda, 554 (in Polish).

[Szajnocha K. 1859. Bolesław Chrobry and the rebirth of Poland during Władysław Łokietek. Two historical stories by Karol Szajnocha. Second edition, correct. Lviv, by Karol Wild, 554]

37. Szajnocha K. 1861. Jadwiga i Jagiełło. 1374–1413. Opowiadanie historyczne przez Karola Szajnochę. Wydanie drugie, poprawne. T. I–IV. Lwów, nakładem autora, 488 (in Polish).

[Szajnocha K. 1861. Jadwiga and Jagiełło. 1374-1413. Historical story by Karol Szajnocha. Second edition, correct. T. I-IV. Lviv, by the author, 488]

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Морозов С.В. Польский вопрос – вчера, сегодня... завтра? Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 462–478. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-462-478

Morozov S.V. A polish question, yesterday, today... tomorrow?. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 3. P. 462–478. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-462-478